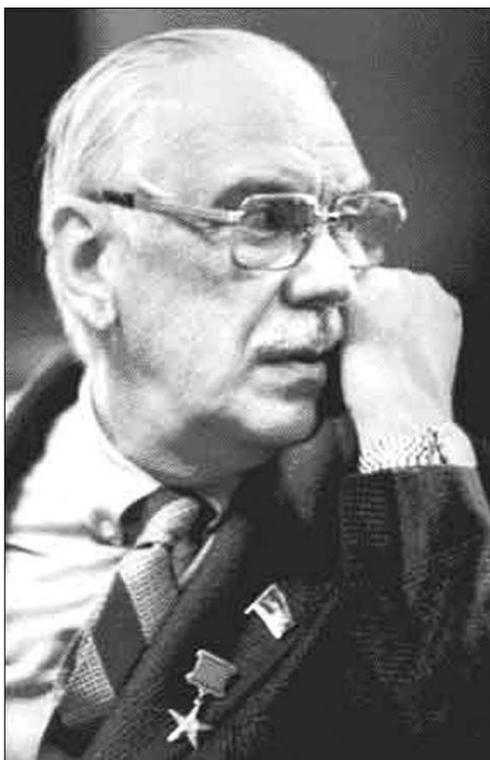

ВЕЧНАЯ ВЕСНА ПАТРИАРХА

Сергею Владимировичу Михалкову — девяносто!

Кому из нас не прибавляли оптимизма его радостные строки, западающие в память с детских лет:

Нам весело смеётся,
Мы песенку поём,
А в песенке поётся
О том, как мы живём.

Сейчас всем нам и вправду весело, потому что праздник Сергея Владимировича Михалкова — это праздник на *нашей* улице, на улице детства, просвещения и культуры. На улице воинской доблести и мирного труда, на улице поэзии и театра, на улице сатиры и сказки. Словом, на пёстрой и прекрасной улице, давно обжитой поэтом и миллионами его читателей. Конечно, «Песенкой друзей» наше знание поэзии Сергея Михалкова не исчерпывается. Стоит только начать — и все подхватят:

В доме восемь, дробь один...

Или:

В одном переулке
Стояли дома.
В одном из домов
Жил упрямый Фома.

Все мы помним эти строки. Помним, потому что без них невозможно представить нашего детства, потому что мы воспитаны на героях его стихов. В поэзии Михалкова побеждает добро, торжествует справедливость, потому что добро начеку — и честным, самоотверженным трудом мы успешно противостояем всем напастям. Да, Сергей Михалков не ограничивался благими пожеланиями — его метод — воспитание *активной добротой*. Талант Михалкова вооружён энергией созидания.

По праву, по заслугам С.В. Михалков — Герой Труда, лауреат Ленинской, Государственной и Сталинских премий, кавалер многих советских, российских и иностранных орденов. Свой орден он носит, не горбя спины. Есть такое выражение: «*чувство законной гордости*». Думаю, именно с этим чувством Сергей Владимирович говорит: «Я был советским писателем». Его жизнь — это безукоризненная биография офицера и поэта, русского дворянина и советского интеллигента. Этого писателя в нашей стране знают и любят все, а в других странах — многие. Давно уже стало банальным подсчитывать, сколько поколений советских детей выросло на стихах Сергея Михалкова. И с новогодней ночи 1944 года — года наших военных побед, года Освобождения — страна начинала каждый свой день с Гимна, слова которого написал Михалков. И, когда мы стоя слушаем наш Гимн, кроме большого чувства гордости за свою Родину, мы испытываем и чувство благодарности к автору торжественных строк... Очень важно, что поэзия нашего юбиляра необходима детям и в XXI веке, ведь книги его переиздаются — и не для того, чтобы пылиться на полках.

Ещё совсем недавно многие иронизировали по поводу басни С.В. Михалкова «Рубль и доллар», в особенности — над её финальной строкой «А ну, посторонись, советский рубль идёт!». На фоне на-

шей инфляции и свободного хождения всесильного доллара в России эта басня казалась устаревшей и даже смешной агиткой. Но мне недавно вспомнились эти строки — и я поразился. Отповедь, данная михалковским рублём доллару, очень точно отражает реалии наших дней:

Тебе в любой стране лишь стоит появиться,
Как по твоим следам нужда и смерть идут.
За чёрные дела тебя берут убийцы,
Торговцы родиной тебя в карман кладут...

Ведь это написано про нашу эпоху реформ, символом которой стал «чёрный долларый нал». И басня Михалкова уже не воспринимается как наивная агитка.

Невозможно в журнальной статье охватить всё многообразие творчества нашего юбиляра. И впрямь, «не опишешь в этой были всех боёв, какие были!..». Да, особое значение для многих из нас имел патриотический цикл небольших детских поэм Сергея Михалкова — его *былей*, как он сам назвал этот новый литературный жанр. «Разговор с сыном», «Быль для детей». Сейчас многие ищут национальную идею, а в недавние времена все мы воспитывались на высоких идеалах именно в доступном и ёмком поэтическом изложении Михалкова. В этих стихах была выражена всенародная идея, делавшая наш многонациональный народ единым и великим. Мы верили им — и патриотическое чувство крепло в наших детских душах именно при чтении михалковских былей. Я не буду сверять эти строки с книгой, процитирую по памяти, а ошибусь — рубите голову. Это азбука нашего патриотизма, затверженная мною, как и миллионами других советских детей, наизубок:

Да, посмей назвать отсталой
Ту великую страну,
Что прошла через войну,
Столько бедствий испытала,
Покорила целину —
И почти до звёзд достала
Перед рейсом на Луну.

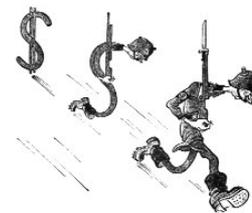
Десять лет назад многим из нас казалось, что время отменило эти стихи, но это поспешное впечатление было акустическим обманом. «Тот ураган прошёл, нас мало уцелело», — а ми-

халковский патриотизм выстоял. И сейчас он актуален и гордо высится над разбитыми кораблями маленьких озлобленных идеологий последнего времени. Символично, что Гимну России подарил слова всё тот же Сергей Владимирович Михалков — писатель, без лести и в любые погоды преданный Отечеству. Значительная часть ценностей, которые он проповедовал в своём цикле «былей», вневременны, вечны.

Особо хочется сказать о стилистическом своеобразии михалковских «былей». Талант и опыт детского поэта обогатили арсенал патриота-государственника. Мотивы торжественной оды в её оснастке XX века сочетались с простотой и ясностью детского стиха, пригодного к весёлой декламации. Автор былей показал себя рачительным хозяином золотого ключика к сердцам самых юных читателей. Свои патриотические стихи он написал так, что они стали интересны детям как самая увлекательная сказка. И от этого только сильнее был воспитательный эффект! Когда Михалков писал о Гитлере, мы ненавидели его всей силой детского воображения, когда же он писал о трудовых подвигах героев пятилеток, нам хотелось поскорее подрасти и трудиться на благо Родины, чтобы были «на груди у всех — медали, а у многих — ордена».

Патриотизм Михалкова-государственника искренен и простодушен, и читатель доверяет Михалкову-патриоту как надёжному товарищу. Вот остросюжетная детская поэма «Миша Корольков» на актуальную в предвоенные годы тему военных и дипломатических столкновений с милитаристской Японией. Сюжет поэмы хорошо воспринимается школьниками: пионер Миша Корольков плывёт из Сахалина во Владивосток на советском пароходе. Дальневосточная романтика конца 1930-х, когда этот регион нередко становился полем боя... Мир чётко поделен на своих и чужих, на правых и неправых. Пароход попадает в шторм — и его прибывает к японским берегам. Команда и пассажиры оказываются в руках японцев. В дело вступают «сам полковник Мурасива» и «полицейский чин из штаба». Они склоняют Королькова к предательству, но мальчик стоек:

Мы под розгами заставим
Пионера дать ответ.
— Не скажу пути к заставе!
— Нет!

Американский доллар важный...

Эти стихи незатейливы. Но так писать невероятно трудно: Михалков знает, какие стихи ложатся на душу его юных адресатов.

Что же дальше? Наши герои оказываются в плену. Может быть, отныне их ждёт тюремная подстилка и сомнительные надежды на милость Мурашивы и ему подобных «живых фашистов»? Но Михалков не был бы Михалковым, если бы не предусмотрел возможность чудесного спасения. В роли спасителя выступает *государство* — та опора, на которую не боится положиться сам наш поэт и на которую он призывает положиться всех нас... Доброе и могущественное государство спасает мужественного пионера. Образ нашей Родины, нашего государства, его власти дан в идеализированном патриархальном духе, внушающем благонамеренность и веру в свою державу. Как не хватает нам сейчас такой веры — искренней и мотивированной. Вот она, счастливая развязка судьбы Миши Королькова:

Отдыхают мостовые,
И трамваи не звенят.
Тихой ночью постовые
Наш ночной покой хранят.
Под Москвой, у самолётов,
На посту стоит боец.
Вот кремлёвские ворота,
За воротами дворец.
На столе вода в графине,
Лампы светлые горят.
О далёком Сахалине
Здесь сегодня говорят.
О советском пароходе,
О команде моряков
И о том, что на свободе
Будет Миша Корольков.
Не случится с ним несчастья,
Пионер домой придёт.
На глазах советской власти
Человек не пропадёт!
В небе звёзды меркнуть стали,
На дворе светло, как днём.
Говорит спокойно Сталин:
— Всех товарищей вернём!

Как это часто бывает у Михалкова, мужество, верность и доброта вознаграждаются чудесным спасением. Отважного и верного Мишу Королькова выручает правительство во главе

с товарищем Сталиным. Буду говорить о себе: эти строки помню с детства, и до сих пор для меня нет святыни выше, чем наша Отчизна, её Кремль, её добрая и неколебимая, созидательная сила. Я читатель Михалкова, и, может быть, я немного наивен в своём доверии к нашей нередко суровой Родине. Но иной идеологии я себе не представляю и остаюсь счастливым, разделяя те ценности, что вкладывал в мой детский ум Сергей Владимирович Михалков. Помните, как заканчивалась одна из михалковских басен (её неподражаемо исполнял Игорь Ильинский): «Понятно? Вот!»

Особый интерес у современного читателя вызывает история взаимоотношений С.В. Михалкова и И.В. Сталина. Здесь вспоминается и Гимн, и «В музее В.И. Ленина» с вырезанными в пятидесятые годы строками о том, как «В то время Сталин молодой...». Сам Сергей Владимирович рассказывает, что особое внимание Сталин обратил на стихотворение «Светлана», опубликованное в 1935 году.

Я тебя будить не стану,
Ты до утренней зари
В тёмной комнате, Светлана,
Сны весёлые смотри...

Сталин прочитал эти стихи, они ему понравились. Он с удовольствием читал их своей дочери — Светлане, для девочки стихи стали прекрасной колыбельной. Конечно, здесь не было умышленного реверанса в сторону семьи Сталина: в поэзии Михалкова встречается немало распространённых русских имён: и женских, и мужских. Да и у этого лирического стихотворения есть своя история, никак не связанная со Светланой Иосифовной Аллилуевой. Просто имя героини Михалкова совпало с именем дочери вождя. Может быть, это совпадение заставило главу государства с теплотой отнестись к писателю Михалкову. Но дело тут не только в «Светлане». Сергей Владимирович представлял тот тип молодого советского человека, который был востребован эпохой. Энергичный, талантливый, связанный с имперской российской традицией, Сергей Михалков олицетворял государственническую элиту России, которая, взвесив всё, осознала созидательное историческое значение советского феномена.

Да, в те годы было пролито много крови, немало и невинной... Но страна дважды поднялась из развалин, и культура доказала свою жизнеспособность. Дай Бог, чтобы из нынешних развалин мы вышли с меньшими потерями. Михалков писал о Сталине: «Я ему верил, он мне доверял». Думаю, это честное и благородное распределение ролей, которое не унижает ни писательской чести, ни государственного величия. Вот ведь как: без великого государства Сергей Владимирович Михалков не мыслит и своего художественного пространства. Увлечённые анархическими идеями литераторы с некоторой снисходительностью называют его «придворным поэтом». Апологетам *либеральной жандармерии* не понять, что служение государству может быть самостоятельным выбором художника, и, на мой взгляд, этот выбор свидетельствует о мудрости и благородстве писателя куда больше, чем демагогия вечной оппозиционщины... К сожалению, нередко гражданской смелостью объявляют элементарное бунтарство тех, кому не дорого спокойствие родной земли. Истинное, а не показное бесстрашие проявил в своей жизни Сергей Михалков — патриот Отечества. Да, он был апологетом социализма — а разве кто-то предложил нам лучшее социальное устройство? В 1975 году наш юбиляр писал: «Драгоценное свойство социализма в том, что он обеспечивает гармоническое развитие человеческой личности. В этом заложена его неколебимая гуманистическая суть! Вот почему мы считаем наш социальный строй самым передовым, самым высоконравственным строем». В 2003 году эти слова можно повторить с возросшим основанием. Сергею Владимировичу нечего стыдиться: он прославлял то, во что верил, и бичевал то, что считал негодным. Галерея сатирических образов Михалкова не менее представительна, чем его же «парадная портретистика».

Мы не преувеличим, если скажем, что «звёздным часом» Сергея Михалкова был май 1945 года, когда он с полным правом чувствовал себя офицером-победителем.

Героические дороги фронтового корреспондента... В 1990-е годы Сергей Михалков рассказал о своей военной одиссее в книге воспоминаний «От и до...». Ведь именно в годы войны были написаны едва ли не лучшие стихи Сергея

Владимировича. А песня «Сторонка родная» в незабываемом сердечном исполнении Леонида Утёсова согрела сердца многих возвратившихся на Родину фронтовиков. Музыка к этому стихотворению написал Аркадий Островский. Помните эту песню?

С неразлучным своим автоматом
Не в одной побывал я стране,
Только всюду, скажу вам, ребята,
Я скучал по родной стороне...

Этот хрипловатый, способный и к эксцентрике, и к героике голос передавал обаяние михалковского солдатского стиха. И, конечно, любовь к родному краю и для Михалкова, и для его героев-фронтовиков была самым сокровенным чувством. Чувством, которое звало бойцов на подвиги:

Бил я немцев на улицах Вены,
Где сады и дворцы хороши.
Только Вена, скажу откровенно,
Хороша не для русской души...
Дни и ночи на запад шагая,
До берлинских ворот я дошёл,
Но милее родимого края
Я нигде ничего не нашёл.

В книгах Михалкова это стихотворение помечено датой — 1945 год, а также ремаркой, полной заслуженной гордости: «Действующая армия». Да, и в этих строках сквозит неистребимая михалковская любовь к Отечеству, к родному дому. Великое чувство *оседлости* делает человека счастливым и сильным. Это чувство со школьных лет воспитывается в нас благодаря поэзии С.В. Михалкова. Для Сергея Владимировича любовь к Родине так же органична, как любовь к жизни. Это *созидательное* чувство прошло через всю его жизнь, от первых стихов до Гимна Советского Союза и от того незабываемого Гимна 1944 года до Гимна России. Как истинный созидатель, поэт сумел прославить и Великую Русь, и дружбу народов. В нравственно опрятном сознании поэта сплетение этих двух понятий не выглядело противоречивым... Были у Сергея Владимировича и другие известные на всю страну песни. Сразу припоминаются строки: «Мы едем, едем, едем...», «Кто в нашу артиллерию служить пойдёт...», «Работай, учись

Хрустальная ваза

1

Три девочки —
три школьницы
Купили эту вазу.

Искали,
Выбирали,
Нашли её не сразу —
Овальную,
Хрустальную,
Чудесного стекла.
Из тех, что в магазине
Стояли на витрине,
Овальная,
Хрустальная,
Она одна была.

Сперва от магазина
Несла попкушку Зина,
А до угла бульвара
Несла её Тамара.
Вот у Тамары Женя
Берёт её из рук.
Неловкое движение,
И вдруг...
В глазах подруг
Туманом застилаются
И небо, и земля,
А солнце отражается
В осколках хрустала.

Три девочки — три
школьницы
Стоят на мостовой.
К трём девочкам —
к трём школьницам
Подходит постовой:
— Скажите, что
случилось?
— Разби... разби...
разбилась!

и живи для народа...». Искренние и добрые песни — из тех, от которых «легко на сердце».

В действующей армии написаны такие стихи, как «Десятилетний человек», «Ты победишь!», «Детский ботинок»... Дети и война — вот такая тема особенно волновала Михалкова в те годы. Обычно ироничный и бодрый, в этих стихах поэт испытывает сильнейшее, рвущее сердце чувство. Вот его «Детский ботинок» — начало стихотворения и финал:

Занесённый в графу
С аккуратностью чисто немецкой,
Он на складе лежал
Среди обуви взрослой и детской.
Его номер по книге:
«Три тысячи двести девятой» —
«Обувь детская. Ношена.
Правый ботинок. С заплатой».

Среди сотен улик —
Этот детский ботинок с заплатой,
Снятый Гитлером с жертвы
«Три тысячи двести девятой».

Это написано в 1944 году, когда до победы оставалось ещё несколько напряжённых военных месяцев. Праведный гнев 1944 года — гнев со сжатыми губами и подавленной слезой. Эти стихи, рождённые искренним и сильным чувством, будут жить всегда. Всё это он видел своими глазами — и потому с особенной убедительностью Михалков *учит* детей различать добро и зло, обращаясь к военной теме. Надо сказать, что антифашистские строки стали выходить из-под пера Михалкова с середины тридцатых годов. В них поэт делился с читателем своим беспокойством по поводу происходящего в Германии, Италии, Испании. Прекрасное стихотворение «Три товарища» было написано в 1937 году:

Жили три друга-товарища
В маленьком городе Эн.
Были три друга-товарища
Взяты фашистами в плен.

Антивоенная тема, конечно, не иссякла в поэзии Михалкова вместе с победными салютами 1945-го. Через несколько лет после победы, в напряжённые месяцы ядерного шантажа,

когда к виску нашей страны снова было приставлено неумолимое дуло, Михалков перефразировал В.В. Маяковского («Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо...»):

Друзья мои! Перо сейчас
Приравнено к штыку.
Не время тем идти в запас,
Кто в боевом полку.

В стихах Михалкова — и сатирических, и детских — отражалась послевоенная история страны. Год за годом, шаг за шагом. Поэт никогда не чувствовал себя посторонним в этой драме, он стремился к соучастию во всех победах Родины и звал к этому юного читателя.

Гражданственность всегда была активным чувством, заставлявшим его — известного, благополучного писателя — приходить на помощь людям. Именно в этом побуждении причины многолетнего служения Михалкова в Союзе писателей России, в самых разных комиссиях и президиумах, советах и клубах. Везде он помогал и помогает культуре, литературе, детям... Может быть, разгадка творческой неутомимости Сергея Владимировича Михалкова в том, что он служит Родине — и это деяние всей его жизни то и дело принимает разные формы. Ну, например, слышали вы такое выражение — «пиджак с ногами». Так он называл свою миссию вечного ходатая за тех, кому нужно: получить новую квартиру, грамоту к юбилею, найти хорошего врача и т.д. Надевались все регалии — и вперёд, по высоким кабинетам! Волшебный «пиджак с ногами» помогал в самых безвыходных ситуациях. Но, конечно, в этом выражении — изрядная доля самоиронии. Не в пиджаке дело и не в регалиях, а в их неутомимом кавалере.

Сергей Владимирович обладает редким талантом сказочника — ведь волшебная сказка — это такая тонкая и живая материя, что каждое слово в ней на вес золота. «Суеверный Трусохвостик» и «Зайка-Зазнайка», «Сон с продолжением» и «Праздник непослушания» — это сказки самой высокой пробы, в которых проявился талант Михалкова-фантазера, Михалкова-рассказчика. Сказки, в которых есть волшебство.

В тридцатые годы XX века в мировой литературе появился новый жанр, особенно при-

жившийся в детском искусстве. Старые сюжеты, легендарные фольклорные герои получали новую жизнь под пером писателей, вдохновлявшихся литературной фактурой на создание оригинальных произведений. Нет, здесь не идёт речь о пересказе или вольном переводе.

В Советской России эта традиция в детской литературе получила необыкновенно интенсивное развитие. Наши писатели не просто переделывали шедевры мировой литературы для маленьких читателей, впуская в мир того или иного мифологизированного литературного произведения советского пионера и школьника, они создавали новые и весьма интересные произведения. Так появился новаторский по киноязыку и увлекательный по содержанию фильм А.Л. Птушко «Новый Гулливер», а также позднейшие фильмы А.А. Роу «Новые приключения Кота в сапогах» и «Королевство кривых зеркал» (по сказке Виталия Губарева, связанной с «Алисой в Зазеркалье» Л. Кэрролла). А в довоенном фильме «Остров сокровищ» с запомнившейся многим музыкой совсем молодого Никиты Богословского девушка Джэнни Хоккинс и доктор Лайвеси добывают сокровища для повстанцев, эдаких романтиков перманентной революции, распеваящих под красным знаменем свои свободолюбивые песни. С этой традицией связано и появление «Золотого ключика» А.Н. Толстого и «Волшебника Изумрудного города» А. Волкова. Совсем близко к михалковскому театру расположилось театральное королевство Евгения Шварца. Шварц работает с андерсеновским материалом в режиме иронического переосмысления, когда избирательная память переносит на страницы новой драмы символику известной на зубок сказки, а новому автору остаётся достаточное пространство для фантазии.

Вот и Сергей Владимирович Михалков вполне сознательно стал соавтором Гофмана и М.Е. Салтыкова-Щедрина. Он написал стихотворную сказочную комедию «Смех и слёзы» по мотивам классической драмы Карло Гоцци «Любовь к трём апельсинам». «Смех и слёзы» можно смело отнести к самым крупным удачам Михалкова. В пьесе выигршно сочетались сильнейшие стороны его таланта — задорный юмор и умение проникнуть в психологию ребёнка. К тому же комедия написана виртуозным лёгким стихом со множеством запоминающихся ка-

ламбуров. В 1976 году на киностудии «Ленфильм» режиссёр Игорь Усов экранизировал комедию Михалкова. Фильм назывался «Весёлое сновидение, или Смех и слёзы». Кино получилось яркое, праздничное. Помимо юных и взрослых актёров в этой истории про шахматное королевство снялись солнечный клоун Олег Попов и совсем молодой в ту пору чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов.

Можно сравнить драматурга Михалкова с Т. Стоппардом (помните его «Розенкранц и Гильденстерн мертвы»?), порой ещё ближе нашему автору кажется Ф. Дюрренматт («Ромул Великий», а пуще — «Геркулес и авгиевы конюшни»). Ещё явственнее переключка с комедиями Михалкова чувствуется в пьесе Г. Фигейредо «Лиса и виноград». Конечно, легенда об Эзопе была оживлена бразильским драматургом для взрослого читателя и зрителя. Но, думаю, Сергей Михалков — сам замечательный баснописец — разделяет демократизм великого раба Эзопа, у которого (как и у И.А. Крылова) наш писатель учился притчевой мудрости. Со времён Шварца в нашей литературе ощущается эстетическая потребность в таких вот элегантных переложениях литературных мифов с налётом доступной иронической философичности.

Особое значение для журнала «Народное образование» имеют воспитательная роль поэзии С.В. Михалкова и многолетнее служение нашего юбиляра делу просвещения. Особый педагогический темперамент писатель унаследовал у своих учителей и старших товарищей — первых классиков советской детской литературы: Корнея Чуковского, Самуила Маршака, Льва Кассиля... Нельзя не упомянуть и автора знаменитого «Разгрома» (а позже — и «Молодой гвардии»), классика советской литературы Александра Александровича Фадеева, который, не будучи детским писателем, на долгие годы стал старшим товарищем нынешнего юбиляра. А.А. Фадеев долгие годы возглавлял Союз писателей СССР, а Сергей Владимирович много сил отдал союзу писателей РСФСР — и ныне он возглавляет Содружество союзов писателей, немало делая для того, чтобы на территории бывшего СССР литература продолжала оставаться почётной профессией. С.В. Михалков — старейшина нашего писательского цеха, но он никогда не забывает о своих учителях. И сейчас Сергей

Три школьницы рыдают
У Кировских ворот.
Подружек окружает
Взволнованный народ:

— Скажите, что
случилось?

— Разби... разби...
разбилась!

— Скажите, что
случилось?

Что здесь произошло?

— Да, говорят,
разбилось
Какое-то стекло!

— Нет! Не стекло,
а ваза! —

Все три сказали сразу. —
Подарок мы купили.
Нас выбрал пятый класс.
Подарок мы купили,
Купили и... разбили!
И вот теперь ни вазы,
Ни денег нет у нас!

— Так вот какое дело! —
Толпа тут загудела.

— Не склеишь эти части! —
Сказал один шофёр.

— Действительно,
несчастье! —

Заметил старый мастер.
И, на осколки глядя,
Вздыхнул огромный дядя —
Заслуженный боксёр...

2

В том самом магазине,
Где вазы на витрине,
В громадном магазине
Людей полным-полно:
От лётчика-майора
До знатного шахтёра,
Кого там только нету!
А нужно всем одно!

Под звонким
объявлением:
«Стекло, хрусталь,
фарфор» —
Большое оживление —
Идёт горячий спор:
— Пожалуйста, гранёную!
— Не эту, а зелёную!
— Не лучше ли,
товарищи,
Из красного стекла?
— Вот эту, что поближе,
Которая пониже!
— Что скажете,
товарищи?
Не слишком ли мала?

Шофёру ваза нравится —
Гранёная красавица.
А лётчику — прозрачная,
Как голубой простор.
— А я бы выбрал эту,
Красивей вазы нету! —
Сказал майору вежливо
Заслуженный боксёр.

3

Три юных пятиклассницы
Сидят, переживая,
Что их везёт трёхтонная
Машина грузовая.
Даёт проезд машине
Знакомый постовой,
Тамаре, Жене, Зине
Кивает головой.
А девочки в волнении,
Одна бледней другой:
В кабине, на сидении —
Подарок дорогой!

— Нельзя ли чуть
потихе,
Товарищ дядя Гриша! —
Водителю подруги
В окошечко стучат.
Шофёр в ответ смеётся:
— У нас не разобьётся!
У нас другой порядок,
Не как у вас, девчат!

Владимирович нередко вспоминает напутственные слова Маршака: «Никогда, голубчик, не забывайте, что по книгам детских писателей ребёнок учится не только читать, но и говорить, мыслить, чувствовать...» В этих словах отражена ответственность писательской профессии: далеко не всякому поэту мы можем доверить своих детей. Ведь так легко и неосознанно можно нанести ребёнку психологическую травму, помешать его естественному развитию. Детский писатель с неизбежностью исповедует свою воспитательную систему. Воспитательная система Михалкова исключает ханжество. Проповеди с равнодушным пасмурным лицом никогда не входили в его поэтический арсенал. Воспитание должно быть азартным и увлекательным процессом, в котором и взрослые, и дети получают не только полезные уроки, но и удовольствие.

В школе, как и в литературе, «все жанры хороши, кроме скучного». Михалков пишет: «Папам, мамам, дедушкам, бабушкам никогда не надо забывать, как сложен, хрупок, порой непредсказуем внутренний мир ребёнка любого возраста, как важна порой малышу и подростку помощь словом и действием, как преступно проявлять равнодушие к детским бедам, которые очень часто взрослые склонны считать чепухой». Воспитательная система Михалкова основана на человечности, на уважительном отношении к ребёнку. Не раз замечено, что стихи Михалкова помогают развитию способностей у юных читателей, которые начинают рисовать иллюстрации к любимому «Дяде Стёпе», напевать прочитанные стихи на собственный мотив, а то и пишут продолжение любимых сказок в стихах и прозе.

Известно, что Сергей Михалков — очень весёлый и остроумный человек. Из многочисленных интервью, из воспоминаний нашего юбиляра ясно, что и к себе самому он предпочитает относиться с лёгкой иронией, а уж его шуточки-эспромты молва не раз превращала в литературный анекдот. Сколько незабываемых реприз «пошло в народ» из драматургии Михалкова! Некоторые из них связаны с педагогикой. Герои комедии «Охотник» — учёные-педагоги. Чего стоят одни цитаты из их псевдонаучных диссертаций! Одна из них называется «Психологическое воздействие большой перемены на сознание учащихся неполной средней школы». Что и говорить, этот юмор с годами

не покрылся плесенью — и сейчас в педагогике немало неутомимых искателей «вечного двигателя», кичащихся своей сверхсовременной учёностью...

Несколько десятилетий не сходит с подмостков «Балалайки и К⁰» — талантливая театральная фантазия на темы романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия», поставленная в московском «Современнике» ленинградским режиссёром Г. Товстоноговым. Михалков в XX веке стал продолжателем традиций русской классической сатиры — и в щедринском «антибюрократическом райке» он чувствует себя как рыба в воде (эта рыба, конечно, отнюдь не Премудрый Пескарь!). В семидесятые годы герои Щедрина — Михалкова в исполнении артистов «Современника» воспринимались как меткая сатира на позднесоветскую бюрократию с её геронтократией, сонной осторожностью и крайним консерватизмом. Современный зритель видит тех же героев пресмыкающимися перед нынешними хозяевами жизни — коррумпированными чиновниками, самодовольными нуворишами. Такая сатира злободневности не теряет — иногда это происходит и вопреки желанию автора, который простодушно надеется, что бичуемые пороки можно искоренить.

Театральный зритель хорошо помнит и сатирическую комедию «Пена», в которой высмеивались незадачливые дельцы от науки. А уж «комедия положений» «Дикари», по мотивам которой был снят популярный кинофильм «Три плюса два», и вовсе была одним из любимых киноразвлечений нашей страны, а михалковские шуточки из этого фильма стали крылатыми. Были и другие пьесы — для детей и взрослых. Самые популярные — «Сомбреро», «Пионерский галстук», «У них есть Родина». Написал Сергей Владимирович и историю современного Хлестакова, взбаламутившего мешанский мирок небольшого городка, — едкую комедию «Раки и крокодил». Все эти пьесы известны и театральному зрителю, и миллионам кинозрителей всех возрастов.

Одно из лучших своих стихотворений Сергей Владимирович посвятил учителям. Он сравнил труд педагога с хрустальной вазой — прекрасной, праздничной, но хрупкой и уязвимой. Это стихотворение дало название циклу послевоенных стихов Михалкова, опубликованных в «Правде» в 1952 году с излюбленным михал-

ковским определением жанра: «Быль». Хрустальная ваза Михалкова стала для всех педагогов Советского Союза незабываемым подарком, и по сей день вызывающим слёзы радости.

Разные поэты посвящали учителям свои стихотворения. Но ничего лучшего, чем эти стихи, я не припомню... Можно долго говорить о том, с каким мастерством поэт «держит» композицию своего стихотворения, постепенно раскрывая все секреты сюжета и только в финале, в кульминации, называя главную героиню — «учительницу скромную». А в постовом милиционере, приходящем на помощь девочкам, мы радостно узнаём старого знакомого — Дядю Стёпу... Сергей Владимирович помнит правила игры, которую сам давным-давно завёл с нашими детьми. Как близок всем юным читателям этот сказочный и реальный мир поэзии Михалкова!

Надёжный, благополучный мир братства, мир честных трудящихся, замечательных и простых людей — может быть, именно такой литературной компании не хватает нашим современным школьникам, да и учителям?.. Пусть в этих представлениях о реальности немало иллюзорного — они служат высоким идеям, в них заложен глубокий воспитательный смысл, кроме того, они отражают и своеобразный эстетический пласт, являясь приметой авторского стиля С.В. Михалкова. Один современный литературный критик определил Сергея Михалкова известным школьным словом — «Отличник». Но отличником Сергей Владимирович не был — ни в школе, ни в институте. Может быть, учёбе мешала широкая натура талантливого и страстного человека. Но своим писательским трудом Сергей Владимирович так помог учителям, так помог школе, что давно заслужил от педагогического сообщества признания круглым и безукоризненным отличником... И в этом служении делу просвещения Сергей Владимирович стал прямым продолжателем великих традиций русской литературы. Литература, замкнутая на себе самой, на «рекордах для закрытых помещений», никогда не была магистральной дорогой отечественной традиции. Искусство должно быть *понятно* народу. Искусство должно быть *понято* народом.

Как писатель, озабоченный проблемами воспитания, Сергей Владимирович не раз приходил на помощь нашей школе, прокладывая дорогу грандиозным издательским проектам,

служившим верой и правдой нашим школьникам. Михалков старался, чтобы не прервалась связь между юным читателем и детскими писателями — связь, возникшая в нашей культуре с 1930-х годов. Конференции юных читателей, праздники детской книги, писательские встречи со школьниками — всё это было в жизни нашей школы, было совсем недавно. Вся эта просветительская программа осуществлялась во многом благодаря энергичной деятельности Сергея Владимировича Михалкова. А ведь у него никогда не было свободного времени — у активно работающего писателя свободного времени не бывает. Но... Просветительская миссия превыше всего. Он писал: «Я убеждён — из любого ребёнка можно вырастить благородного, трудолюбивого, мужественного и честного человека. Главное — не упустить время!.. И тут очень важно, чтобы подрастающий человек встретился с умной, хорошей книгой!» С гордостью писал Михалков о великом предназначении детской литературы: «Скажи, как ты относишься к детям, и я скажу тебе, кто ты!» Прославленные деятели русской культуры всегда с отеческим вниманием относились к литературе, адресованной юным, тем самым проявляя заботу о детях, а стало быть — о будущем родной страны. Пушкин последнее в своей жизни письмо посвящает детской книге... Критик Белинский говорит: «Детским писателем нельзя сделаться, им должно родиться... Детские книги пишутся для воспитания, а воспитание — великое дело: им решается участь человека». Эти слова классика — ключевые в писательской лаборатории Михалкова. Есть в ней и важные жизненные установки: *«Думаю, что нужно не спускать с себя глаз всю жизнь и ничего себе не прощать. Поменьше мягкости к себе и побольше к друзьям — честное слово, это хороший девиз. Принято считать, что человек начинается с познания своего «я»».*

Михалков немало раздумывал над проблемой воспитательной роли детской книги: «Добрая, умная книга всегда помогала и помогает жить — это аксиома. Известно, что в одном гитлеровском концентрационном лагере маленькой девочке чудом удалось сохранить детские книжки, которые она любила на свободе в своей счастливой довоенной жизни. Эти книжки, затрёпанные, зачитанные до дыр, переходили из рук

4

Учительнице скромной
За труд её огромный,
К шестидесятилетию —
В большое торжество,
В просторном школьном

зале

Три школьницы вручали
Подарок драгоценный.
Подарок?
От кого?

От штатских и военных —
Людей обыкновенных,
Простых советских

граждан,

Что меж собой дружны.
От нашего народа,
Что крепнет год от года,
От пионеров,
Школьников —
От всех детей страны!

в руки. Взрослые люди переводили их на разные языки: чешский, французский, польский... Это были стихи Маршака и Чуковского. Тонкие книжки хранили как святыню, они возвращали людям веру, надежду на свободу, на лучшие времена, потому что были озарены солнечным оптимизмом. Детские книжки с весёлыми разноцветными картинками тоже стали книжками-бойцами, книжками-исцелителями. Были страшные времена — и детские книги служили рядовыми в том литературном строю, который вёл бой с противником не на жизнь, а на смерть». Нет сомнений, что список таких спасительных книг не исчерпывался Маршаком и Чуковским. Третьего автора Сергей Владимирович не назвал из скромности.

Сохранившиеся кинокадры доносят до нас минуты встреч Михалкова с его юными читателями.

«Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен» — эта эпитафия к могиле Неизвестного солдата написана С.В. Михалковым.

Вдохновенное, радостное лицо поэта, счастливые глаза детей. Как вслушиваются они в каждое его слово, а губы шепчут уже знакомые и любимые строки. Такие встречи воспринимались детьми, как волшебство, как чудо. «Главное — не упустить время!» Вовремя дать им почувствовать чудо литературы, чудо поэзии. Может быть, именно это и было главным в судьбе счастливого человека и замечательного писателя?.. Михалков пишет: «Разговор с детьми — разговор особый. Он совершенно не терпит никакой наукообразности, шаблона, абстрактности, занудства. Бедность и сухость языка, отсутствие живой страсти, волнения — извечные враги детских книжек. А яркое, образное, звучащее, лично тобой прочитанное слово — это такая же насущная необходимость для ребёнка, как свежий воздух, здоровая пища... И горе тем родителям, которые безумно обрадовались «ящику для идиотов», как называют телевизор в Америке». Не случайно эти рассуждения писателя попадают в русло многолетнего разговора, который ведёт со своими читателями журнал «Народное образование»... Родной детской литературе,

в которой наш юбиляр так блестяще реализовался, Михалков посвятил очаровательные стихи — песенку юных читателей:

Наша книга детская, детская, советская,
Смелая и честная — верный друг ребят.
Книгу, всем понятную — умную, занятую —
Мальчики и девочки, все читать хотят!

Пока у наших детей есть Михалков — есть и надежда, что российская детская литература возьмёт у советской всё лучшее, не стесняясь добрых традиций. И поляризация доходов, разделившая наших граждан на немногих богатых и многочисленных бедных, не должна превратить нашу образовательную реальность в ту, что когда-то Михалков обрисовал в своих хрестоматийных стихах:

Учились дети богачей,
Сынки купцов, дворян.
Немного в школы шло детей
Рабочих и крестьян.

Такого не должно быть! Завоевания XX века, ликвидировавшего в нашей стране безграмотность, давшего каждому среднее образование, не должны перечёркиваться. Рассуждения Михалкова о современной детской школе, о нынешней ситуации в мире детства, названы «Тревога». Давным-давно он написал стихотворение «А что у вас?», быстро ставшее общеизвестным («Дело было вечером, делать было нечего...»). Герои этого стихотворения — школьники тридцатых годов — делились друг с другом своими мечтами, рассказывали о своих мамах... В девяностые годы Михалков «подслушал» другой детский разговор:

— Я хочу, — сказала Вера, —
Быть женой миллионера.
Буду ездить по Москве
На спортивном «БэЭмВэ»!

С тревогой всматривается поэт в такие перемены в детской психологии:

Меж собой когда-то дети
Разговор вели иной.
А за этих мы в ответе
Перед нашею страной.

Этим стихотворением девяностых годов Сергей Владимирович доказал, что и в новую эпоху он продолжает посвящать свою жизнь миру детства, продолжает «болеть» за нашу школу, за наших детей. Только жаль, что ответственность Михалкова разделяют сейчас немногие воспитатели и немногие писатели. Вот и выходит, что только убеждённый сединами, всеми уважаемый поэт признаётся, что он в ответе перед страной за рано повзрослевших юных циников. Михалков старается заинтересовать ребят созидательным творческим трудом, пробудить в них здоровое честолюбие, стремление к профессиональному успеху:

А если ты научишься работать и мечтать —
 Великим Финтифлюшкиным ты в жизни
 можешь стать!

Ведь это обращение к *каждому* ребёнку, чтобы он верил в свою звезду, развивал способности трудолюбием, развивал в себе лидерские качества, был пытливым. Есть такой социальный феномен — «американская мечта». Идеология успеха, доступного каждому, стоит только поверить в свои силы и положиться на трудолюбие. У нас была своя мечта — она сложилась независимо от американского аналога и базировалась на знании российской ментальности. Одним из ярчайших создателей этой мечты был и остаётся С.В. Михалков — и именно благодаря таким идеологам в XX веке наша страна добилась удивительных успехов в разных сферах деятельности, вышла на лидерские позиции в мире. Да, в XIX веке в России расцвела классическая культура, но то была культура элитарная. Благодаря С.В. Михалкову и его единомышленникам мы получили страну лучших в мире маршалов и рядовых, учёных и писателей, музыкантов и металлургов, нефтяников и педагогов. Каждый из них сердцем воспринял призыв Михалкова: «Ты можешь стать великим!» И сейчас тот потенциал не растерян. Но Сергею Владимировичу Михалкову горько, что «поруганы дружеские отношения между целыми народами! Ловкие фальсификаторы истории теперь не жалеют слов, чтобы убедить общественное мнение в том, что дружба советских народов — это фикция, её никогда на самом деле не существовало! Скорблю и о том, и об этом».

Несколько веков Михалковы верой и правдой служат своей Родине. Сергей Владимирович стал самым замечательным представителем своего старинного рода. А Михалковых всегда отличал остро развитый в них инстинкт государственного, национального, народного самосохранения. Можно не сомневаться: Михалков никогда не позволит себе способствовать междоусобицам, развалу страны, разрушению общества. Не великие потрясения, но великая Россия, великий «единый, могучий Советский Союз» — вот символ его веры. Михалков всегда сохранял и оберегал наше культурное и духовное наследие. В годы официально провозглашённого атеизма он помогал Русской Православной Церкви, добиваясь реставрации храмов, возвращения их в церковное лоно... Велика роль С.В. Михалкова и в возвращении Церкви московского Свято-Данилова монастыря, и в том, что тысячелетие крещения Руси стало в 1988 году всенародным, государственным праздником.

В 1954 году Г. Ершов и В. Тельпугов писали: «Сергей Михалков в расцвете творческих сил. Читатели ждут от него новых, более совершенных произведений, глубоко раскрывающих черты характера советского человека, разносторонне и полно отражающих богатую, многогранную жизнь нашего народа, призывающих его к самоотверженной борьбе за мир». И сейчас, в 2003 году, хочется сказать: «Счастья Вам, здоровья, Сергей Владимирович», — но мы не находим *настоящих* слов для чествования человека, давно и по праву ставшего одним из действующих лиц истории России — и в то же время такого близкого и доступного, такого живого. Журнал «Народное образование» имел счастье поздравлять нашего любимого писателя с пятидесятилетием. Это было в 1963 году. С тех пор каждое десятилетие мы присоединяемся к многочисленным юбилейным поздравлениям... Тому, кто всю жизнь верой и правдой служит нашей детворе, известен секрет вечной весны. С весенним праздником Вас, Сергей Владимирович!

**От имени всех сотрудников журнала
 «Народное образование» —
 Арсений Замостьянов.**